

A man and a woman, both wearing dark, heavy coats, are seen from behind, looking out of a window. The man is on the left, pulling back a dark, heavy curtain. The woman is on the right, her hands clasped near her face. The window looks out onto a bright, possibly outdoor area, contrasting with the dark, industrial interior. The walls are made of concrete and show signs of wear and peeling paint. The overall mood is somber and mysterious.

В Я Ч Е С Л А В
К Е Л Ь В И Н

ЧИСТИЛИЩЕ

Вячеслав Кельвин

Чистилище

<https://litres.ru/74105531>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мы вре́м. Всегда. Из любви. Из ненависти. Даже самим себе.

А ночью Сергей сказал жене правду. Она ответила тем же. И он убил её. Замотал тело в одеяло.

И десятки соседей в его дворе сделали то же самое. У каждого была своя правда и свой свёрток с грехом.

А утром жена проснулась с ним в одной постели, живой. Приготовила ему завтрак. Он промолчал. Она сказала, что это был дурной сон. Он сделал вид, что поверил. А потом он вспомнил, за что он её убил... И понял, что она тоже всё помнит.

Чистилище — это не огонь и не сера. Это правда, которую нельзя скрыть. И ночь, когда обычный двор захлопывается как капкан, заставляя каждого убраться свой грех самостоятельно. И утро, которое возвращает убитых обратно — с памятью о том, что с ними сделали.

Содержание

Глава 1. Ночь	4
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Вячеслав Кельвин

Чистилице

Глава 1. Ночь

Шторы в этой комнате были не просто плотными — они казались живыми. Тяжёлая, пыльная плоть, сотканная из чужого дыхания и застарелого страха. Мужчина подошёл к окну и ухватился за край этой материи. Ткань заскрипела под пальцами, когда он потянул.

За шторами оказался металл.

Ставни. Ржавые, в потёках, с заклёпками, которые набухли от времени, как суставы артритного старика. Он толкнул — ни миллиметра просвета. Мир снаружи был зашит наглухо, как труп в дешёвом гробу. Только щель внизу, тонкая, как лезвие бритвы, откуда тянуло холодом и — если напрячь слух — далёким, едва различимым гулом.

Мужчина замер. Прислушался.

Сзади, из темноты, подошла женщина.

Он почувствовал её раньше, чем услышал. Тепло — такое странное в этом склепе. Запах. Мыло «Детское», которым она мыла руки, и что-то ещё, глубже — кисловатый запах страха и адреналина. Этот запах он знал лучше всего. Он выходил из пор, когда человек смотрел в бездну и бездна

смотрела в ответ.

— Что там, Сергей? — раздался шёпот.

Её голос коснулся затылка, прошёлся по позвонкам, как пальцы. Он не обернулся. Просто поднял левую руку — ладонь раскрыта, пальцы врозь. Этот жест говорил: «Стой. Замри».

Потом поднёс указательный палец к губам.

— Тсс Наташа. Молчи.

Она кивнула. Он не видел, но знал — кивнула. Прикрыла рот ладонью. Плотно. Так, что даже нос зажала на секунду, прежде чем сообразила — дышать-то надо. Он чувствовал каждое её движение. Так слепой чувствует стену.

Сергей прикрыл глаза. Наклонил голову — ухом к металлу. Ставни вибрировали. То ли ветер, то ли давление менялось снаружи. А может быть, что-то двигалось там, в той пустоте, которую они боялись называть «дыором».

Он вслушивался.

Сначала — только собственное сердце. Дурацкий механический насос, качающий кровь по трубам, которые вот-вот лопнут.

Ту-дум. Ту-дум. Ту-дум.

Потом слух полез дальше, как червь сквозь гнилое яблоко.

Скрип флюгера. Где-то далеко, у разбитого гаражного кооператива — ржавый, тоскливый звук, будто железная птица пыталась взлететь и не могла. Капала вода — с обломанной трубы в подвале, кап кап пауза кап. На верхних этажах

на верёвке висело бельё — кто-то забыл его снять, и теперь простыни хлопали на ветру, как привидения, которые пытаются рассказать что-то важное, но не могут найти слов. И воздух. Густой, спрессованный воздух, который сам по себе был звуком — низким, непрерывным гулом, похожим на дыхание огромного спящего зверя.

А поверх всего этого — сотни, тысячи сердец. Других сердец. Испуганных, загнанных в клетки квартир, обшитых листами железа. Они стояли у окон так же, как он. Вслушивались. Застыли в надежде, что это наконец закончилось. Что можно будет раздвинуть шторы и увидеть небо. Настоящее небо, а не этот бетонный потолок с люстрой, которая почти не давала свет.

А потом — раздался крик.

— А-а-а!

Женский. Близко. Метрах в двадцати, может, в пятнадцати. Сергей почувствовал, как у него в кишечнике что-то оборвалось — та самая ледяная верёвка, о которой пишут в дешёвых романах ужасов. Она дёргает тебя изнутри, и в этот момент ты понимаешь, что такое настоящий страх. Не тот, от которого хочется закричать. Тот, от которого ты даже кричать не можешь. Ты просто каменеешь. Становишься статуей из мяса и костей, и ждёшь своей участи.

Они отшатнулись от окна синхронно — как одно тело, дёрнутое за нитку. Сергей ударился левым плечом о косяк — больно, до искр в глазах. Наташа — спиной о стену, там,

где обои уже отошли и висели лохмотьями. Глаза расширены. Рты открыты. Ни звука.

Он медленно протянул руку к плечу. Сжал его, повёл вверх, вниз.

Женщина замерла, вжавшись спиной в стену, распластала руки, прижав ладони к обоям.

Оба со страхом смотрели на ржавый лист в окне. У обоих в глазах поселился страх.

— Отпусти! — закричал голос снаружи. — Я очистилась! Я чиста-а-а!

И следом — плач. Не тот аккуратный, сдержанный плач, который показывают в кино. Настоящий. Надрывный, мокрый, с захлёбыванием, с хрипом в горле, с той детской беспомощностью, которая режет слух, потому что напоминает: мы все дети перед тем, что там. Женщина за окном уже не кричала. Она рыдала в голос, и в этом рыдании было что-то первобытное — так рыдают, когда понимают, что никто на помощь не придёт.

— Чиста — повторяла она уже тише, будто уговаривая кого-то. Себя. То, что было снаружи. Тени за ставнями.

Наташа задрожала. Мелко, часто, как осиновый лист, который треплет ветер перед грозой. Она зажмурилась — так сильно, что вокруг глаз собрались морщины, будто она пыталась вдавить веки внутрь черепа. Потом заткнула уши пальцами — большими, ухоженными, с покрашенными ногтями. Давила на перепонки, пока не начало ныть в костях.

И открыла рот. Начала что-то шептать. Беззвучно — только губы двигаются, обнажая белые зубы. Старая молитва. Та, которую она помнила урывками с детства, хотя уже не была уверена, кому она адресована. Богу? Стенам? Пустоте?

— А-а-а-а! — крик снаружи взлетел на полтона выше, сорвался в визг, от которого у Сергея заныли зубы. — Спасите, спа

Крик оборвался.

Не затих. Именно оборвался. Как будто кто-то взял и перерезал струну. Один щелчок — и тишина. Только эхо ещё катилось по двору, ударялось в стены домов, терялось в арках, в подворотнях, в тех местах, куда даже уличные собаки боялись заходить.

А потом — ничего.

Сергей стоял, замерев. Даже грудная клетка не двигалась. Казалось, он перестал дышать — не нарочно, а потому что лёгкие забыли, как это делается. Воздух в комнате стал тяжёлым, как вода на глубине.

Наташа перестала шептать. Открыла глаза. Посмотрела на него — её взгляд был мутный, не сфокусированный, как у человека, который только что проснулся после долгого кошмара и ещё не понял, что кошмар — это и есть реальность. Медленно убрала пальцы от ушей — будто боялась услышать тишину в полную силу.

Сергей вздрогнул. Двинулся. Медленно, на цыпочках — каждый шаг крадущийся, словно пол под ним мог заскри-

петь и выдать их. Снова подошёл к окну. Повернул голову, прижался ухом к холодному металлу.

Ставни молчали.

Тишина снаружи была такой плотной, что начало закладывать уши. Её можно было бы пощупать — вязкую, липкую, как старая смола. В такой тишине обычно слышно, как растёт трава. Но здесь не было травы. Здесь вообще ничего не было.

Он стоял так минуту. Другую. Тишина молчала. Вслушивалась в то, что происходит за толщей металлических ставней.

Наташа смотрела на мужчину с ужасом. Ожидая, что он скажет.

Сергей медленно сжал правый кулак — до хруста в суставах, до белых костяшек — потом разжал.

— Твари, — прошептал он одними губами. Почти без голоса. Воздух из лёгких выходил беззвучно, только форма рта превращала выдох в слово.

Но она услышала. Вздрыгнула всем телом, будто он ударил её.

— Не надо, Серёж, — голос у неё ломался, как старая пластинка, которую крутили слишком много раз. — Не надо так переживать. Она она всегда была — Наташа запнулась. Ей хотелось сказать «шалавой», но сдержалась. — Распущенной. Сколько ей говорили — веди себя прилично, не позорься. А она перед первым встречным ноги раздвигала за день-

ги. Вот и кара.

Сергей слушал. Не двигаясь. Медленно поднял на неё взгляд. Так смотрят на родного человека, которого только что узнали заново — и узнавание это вызывает не любовь, а тошноту.

— У неё трое детей на шее было, — сказал он ровно, почти спокойно. — Крутилась, как могла. Сашка, она умнее всех нас вместе взятых. Димка и Петя ещё маленькие, но уже ясно, что они всех детей в доме обгоняют по развитию. Теперь они — он замолк. Обернулся к окну. Уставился на ржавую задвижку. — Либо умрут от тоски. Либо уйдут за ней. В пустоту.

Наташа подалась вперёд — ловила каждое слово, будто надеялась услышать в них оправдание себе. Потом смутилась, отвела взгляд. Опустила его в пол — туда, где между досками застыла вековая грязь, смешанная с крошками, с окурками, с чем-то чёрным и липким, что лучше было не рассматривать.

Она не знала, что ответить. И внутри неё что-то стало трещать. Тихий, противный звук — это лопалась совесть. Или последняя опора, на которой держался её мир.

Сергей обернулся.

— Не ожидал от тебя, Наташа, что ты такой будешь.

Он смотрел на неё несколько секунд. Долгих. Таких долгих, что она успела пожалеть о сказанном. Потом Сергей повернулся обратно к окну. Приложил ладонь к ставне — там,

где металл был холоднее всего.

Снаружи — по-прежнему тихо.

Наташа молчала. Её мысли метались, как мухи в банке, в которую заполз паук.

— О-о-о-х.

Вздых. Оглушительный, режущий слух. Так мог бы вздохнуть старый человек, если бы у него была грудь размером с этот двор. Сергей отдернул ладонь от обшивки. Отошёл на два шага. Металл ставней — словно притягиваемый звуком — задрожал. И как будто бы выгнулся наружу.

Наташа испугалась. Подбежала к мужчине, схватила за руку — так, что ногти впились в кожу. Зажмурилась.

— Прости, прости меня, Лена, — запричитала она. — Завидовала я тому, что у тебя есть дети, а у нас нет.

Сергей дёрнулся. Резко обернулся.

— Молчи!

Она не унималась. Слова лились из неё, как гной из вскрывшегося нарыва — грязные, горячие, неудержимые.

— Почему, почему Бог дал ей троих, и всех как на подбор? — продолжала женщина. — Ведь она же шалава, обыкновенная шалава, — со злостью выплёвывала она. — Переспала со всеми, и, сука, ещё и родить троих умудрилась.

— У-у-у.

Вздых снаружи перерос в протяжное завывание. Ставни на окне задрожали мелкой дрожью — так дрожит лист железа, если по нему ударить кувалдой.

— Молчи! Дура! — прошипел Сергей, попытался заткнуть ей рот свободной рукой.

Наташа отпустила его руку. Оттолкнула от себя. Глаза у неё горели — нехорошим, жёлтым огнём.

— И ты с ней переспал, да? — в её голосе появилось то, чего раньше не было. Какое-то звериное, торжествующее понимание. — Сколько раз? Признайся. Кто из её выводка от тебя? А? Или все трое? — она со злостью плюнула ему в лицо. Тёплая слюна попала на губу, стекла по подбородку. — Сдохни вместе с ними! Ненавижу! Ненавижу тебя и их. Я рада, что эта шалава получила по заслугам!

— У-у-у-а-а.

Завывание сместилось ближе. Теперь оно било прямо в окно — так, что стёкла зазвенели за ставнями. Лист металла выгнулся так сильно, что по периметру образовались щели, и сквозь них полился свет. Мутный, белесый, болезненный свет — как в операционной, когда тебя уже разрезали, но анестезия ещё не прошла, и ты чувствуешь, как нож входит в живот.

Сергей оглянулся на окно. Бросил попытку заткнуть Наташу. Подбежал к шторам, начал их сдвигать — зачем? Чтобы спрятаться от света? Чтобы сделать темноту ещё темнее?

— Это Димка, да? — закричала она. — У него твои глаза. Сучёныша задушила бы. — Она схватила со стола вазу — тяжёлую, керамическую, с засохшими цветами, которые рассыпались в пыль от одного прикосновения. С размаху бро-

сила в Сергея.

Он увернулся. Ваза влетела в ткань штор, глухо ухнула, разбилась об пол. Глиняные черепки разлетелись в стороны, один поцарапал ему щеку — тонкая горячая полоска, и через секунду потекла кровь.

Он продолжал задвигать шторы.

— Заткнись, Наташа! Ты, дура фригидная и бесплодная, заткни свой поганый рот!

Завывание снаружи ударило по ставням с новой силой.

— А-ы-а-а-х.

Металл выгнулся дугой. Завибрировал. Воздух в комнате начал вибрировать вместе с ним — так, что заныли зубы, зачесалось в горле, захотелось вырвать собственные внутренности, только бы это прекратилось.

— Импотент хренов! — закричала Наташа. — Я не виновата, что у тебя не встаёт! У всех на меня встаёт, в отличие от тебя!

Она тяжело дышала. Грудь ходила ходуном. На шее вздулись жилы.

Сергей бросил шторы. Обернулся к ней. Дыхание у него стало таким же тяжёлым, как у неё.

— Я переспал с Леной сотни раз, — выкрикнул он. — Все дети — от меня.

Его глаза расширились. Он сам не ожидал, что это скажет. Слова вырвались, как содержимое желудка при рвоте — их нельзя было остановить, даже если бы он захотел.

Наташа застыла.

На секунду в комнате стало тихо. Даже вибрация ставней стихла — будто оно снаружи тоже ждало, затаив дыхание.

А потом она задрожала. Мелко, часто, как перед припадком. И завывала. Упала на пол, согнулась, обхватила колени руками — и завывала по-собачьи, протяжно, надрывно.

— Почему? — сквозь рыдания, сквозь слюну, сквозь истерику. — Почему этой шалаве всё, а мне ничего? Сдохните, сдохните все!

В этот момент железные ставни вырвало из проёма.

С грохотом — таким, что заложило уши — они упали на асфальт снаружи. Свет хлынул в комнату — мутный, белесый, безликий. Он залил каждый угол, каждую трещину, каждую пылинку. Высветил грязь на стенах, паутину в углах, тёмные пятна на полу — старые, въевшиеся, которых раньше не было видно.

И Наташу. Свет осветил её лицо — искажённое, мокрое от слёз и слюны. Зубы блестели. Глаза горели злостью. Она смотрела на Сергея с ненавистью, которая была сильнее страха.

— Чтобы ты знал, рогоносец, — сказала она, сдерживая злость. Так спокойно, что это было страшнее крика. — Я трахалась с соседом сверху, когда он помог поднять холодильник. И с твоим лучшим другом, Олегом. Пока ты был на работе, я скакала на нём и визжала от счастья.

Свет из окна подсвечивал её лицо, делая его похожим на

маску — театральную, гротескную, с преувеличенными чертами. Уголки губ изогнулись в усмешку. Дьявольскую. Торжествующую.

— У него член такой сладкий — Она закрыла глаза, облизала губы длинным, медленным движением языка. — М-м-м

Она отвернулась от него, легла на пол — прямо в грязь, в пыль, в осколки вазы. И застонала. Громко, сладко, театрально.

Сергей стоял и смотрел на неё.

В груди у него что-то оборвалось. Не верёвка страха — на этот раз что-то другое. То, что держало внутри его человеческой формы. Та самая тонкая нить, которая отличает человека от животного.

Она лопнула.

Он подошёл к столу. Взял нож. Обычный кухонный нож, с деревянной ручкой и лезвием, заточенным до бритвенной остроты — он сам его точил два дня назад, стоя у раковины и глядя в окно, за которым было солнце. Вернулся к Наташе. Встал на колени рядом с ней.

— Молчи, дура, — прохрипел он.

Она не открывала глаз.

— Сдохни, импотент.

Он нагнулся к ней. Не думал. Не чувствовал. Только видел — как лезвие касается её шеи, как кожа расступается под ним, как брызжет кровь. Тёплая, густая, пахнущая медью и ещё чем-то сладким — тем же мылом «Детское», которым

она мыла волосы.

Наташа дёрнулась. Ладони заметались — туда-сюда, туда-сюда, будто пытались поймать утекающую жизнь. Глаза распахнулись, но не на него — в потолок, туда, где трещина была похожа на чёрную молнию, застывшую в бетоне.

Она хрипела. Кровь пузырилась на губах. Пальцы царапали пол, вырывая куски старой краски, размазывали кровь.

Сергей сидел перед ней на коленях. Смотрел. Не мог отвести взгляд. Кровь растекалась по щелям между половицами, добиралась до его кроссовок, пропитывала шнурки. Он чувствовал, как она впитывается в ткань носков — тёплая, липкая.

Он поднял нож. Поднёс к своему горлу. Закрыв глаза.
— Н-е-е-е-т.

Шипение. Оно пришло не извне — оно родилось прямо в комнате, в каждой трещине, в каждом тёмном углу. В голосе этом не было угрозы. Только усталость. Только тоска. Такая глубокая, что Сергей заплакал — беззвучно, без всхлипов, просто слёзы потекли из закрытых глаз.

— Дети.

Свет из комнаты начал истекать обратно в окно. Словно кто-то перемотал плёнку назад. Металлические ставни с грохотом влетели на место — щёлкнули засовами, заскрежетали петлями, отсекая мутный свет. Снова стало темно. Темно, как в погребке. Как в могиле.

Сергей сидел на коленях в луже. Кровь уже не растекалась

— она загустела, стала темнеть. На лезвии ножа собралась красная капля, повисела, упала на пол.

Тук.

— У-у-ф.

Выдох снаружи. Низкий, протяжный. Выдох облегчения — такой, какой издаёт человек, который наконец-то снял тяжёлый рюкзак после долгого пути. И тут же — тишина. Абсолютная. Словно кто-то ножницами обрезал звук.

Но тишина была другой. Не той, которая давит на уши. Не той, которая пахнет страхом. Она была спокойной.

Сергей продолжал сидеть. Нож у горла. Руки дрожат. Глаза смотрят в никуда — туда, где стена встречается с полом, и в углу темнеет что-то, похожее на плесень, а может, просто грязь.

Звук.

Птичий щебет.

Сергей поднял голову. Не поверил своим ушам. Но щебет не исчез — наоборот, к нему добавился лай собаки. Где-то далеко, но отчётливо.

Под потолком моргнула люстра. Обыкновенная, с тремя плафонами, один из которых треснул ещё до всего этого. Моргнула — раз, другой — и зажглась. Свет. Жёлтый, тёплый, живой.

Сергей вздрогнул. Нож выпал из пальцев, звякнул о доски. Он посмотрел на Наташу.

Она смотрела сквозь него. Застывшими глазами. Рот при-

открыт — последний крик, что не успел вырваться, застыл на губах. Усмешка? В темноте любая тень превращается в улыбку. При свете она стала просто раной — искажением плоти, которое ничего не значит.

— Прости, — прошептал Сергей.

Не ей. Себе. Или тому, что снаружи. Он не знал.

Поднялся. Колени хрустнули — затекли, заныли. Посмотрел на свои руки. Красные. Блестящие. Потрогал щеку — там, где порез от осколка вазы, уже запёкся. Потрогал лицо — кровь Наташи. Чужая кровь. Она пахла иначе, чем своя.

Он опять посмотрел на Наташу. Надо убрать. Негоже так.

Мысли приходили механическими, чужими словами. Как инструкция, написанная кем-то другим: прибери за собой, ты уже знаешь, что делать.

Он отошёл к дивану. Снял одеяло — шерстяное, колючее, с дырой от сигареты. Расстелил рядом с Наташей. Переворачивая её, старался не смотреть на лицо. Смотрел на пальцы — уже синие. На шее — рана. Влажная, но кровь почти не идёт. Только густая тёмная капля, как варенье с ложки.

Замотал тело. Скотчем — много, внахлёст, как учили. Чтобы не развернулось. Чтобы не просочилось.

Он замер на секунду.

— Учили? Кто?

В голове было пусто. Ответа не было. И в этом была своя благодать.

Он осмотрел комнату. На полу — тёмные пятна. На столе

— пустая посуда. На стенах — фотографии незнакомых людей. Они смотрели на него осуждающе, но их лица расплылись, как в тумане.

Не затягивай. Нельзя с этим тянуть. Мысль пришла откуда-то из глубины — холодная, чёткая, как приказ. Он кивнул, осознавая неведомым чувством, что надо избавиться от тела. Подхватил свёрток. Поташил к выходу.

Когда он тащил свёрток к двери, то зацепился углом о косяк. Остановился. Выдохнул. Снова потянул.

Лестница. Каждый шаг — стук. Стук подошв. Стук сердца. Стук свёртка о ступеньки — глухой, тяжёлый, с влажным призвуком. На первом этаже он отпустил ношу на пол, открыл дверь подъезда.

Солнце ударило в глаза. Яркое. Тёплое. Настоящее.

Он сощурился, вышел на крыльцо.

Дома вокруг стояли серые. Окна — наглухо заварены железом. Некоторые зияли чёрными провалами — без ставней, без стёкол. Изнутри тянуло холодом, хотя день был тёплый. И ему показалось — на секунду — что там, в темноте, кто-то есть. Тени. Он зажмурился, мотнул головой, открыл глаза. Чёрная густая темнота смотрела на него из пустых проёмов.

Не смотри туда.

Он с трудом отвёл взгляд от темноты, перевёл на ближайший дом.

Из подъездов, как муравьи из потревоженного муравейника, выходили люди.

Сергей увидел старика из соседнего дома. Тот волок за собой ковёр — тяжёлый, ватный, из тех, что висели на стене в «красном углу». Ковёр был мокрый. Из-под него капало на асфальт, оставляя тёмную дорожку. Старик шёл ссутулившись. На лысине — запёкшаяся корка крови. На щеке — глубокая царапина, края розовые, ещё свежие. Он не вытирал её. Он вообще, казалось, не чувствовал. Глаза смотрели в землю.

Следом вышла женщина в заляпанном халате. Тащила детскую коляску — набитую тряпьём, из которой торчала босая детская нога. Женщина прихрамывала. Правая рука перевязана бинтом — старым, грязным, бурым от крови. Бинт размотался на конце, болтался, как язык.

Она взглянула на Сергея. Пустота. В её глазах жила пустота. Он опустил голову, устался в асфальт. Она прошла мимо.

Сергей отвёл взгляд. Взялся за край одеяла, где скотч оттопырился, и потащил свою ношу к детской площадке. Там, за качелями, был бассейн. Неглубокий, бетонный, с трещиной на дне. Раньше в нём дети плескались летом. Теперь

По пути встретил парня лет двадцати. Тот нёс на плече тело, завернутое в полиэтиленовую плёнку. Плёнка была прозрачной, и сквозь неё просвечивало лицо — мужское, с открытым ртом и стеклянными глазами. У парня на лбу зияла рана — глубокая, до кости, края разошлись, как у раскрытой книги. Но он шёл ровно, даже не морщась. Только дышал

часто, будто бежал.

— Помочь? — спросил он, поравнявшись.

Сергей покачал головой.

Парень кивнул и пошёл дальше. Кроссовки были заляпаны красным. Сергей посмотрел на свои — кровь уже почернела.

У бассейна он остановился. Опустил свёрток на землю, выпрямился. Внутри уже лежали другие — в одеялах, в коврах, в простынях. Одно тело было завернуто только в мешок для мусора — чёрный, блестящий на солнце, из-под него выбивался пучок седых волос.

Рядом с бассейном стояла девочка лет двенадцати. В руках — кукла. Большая, в пыльном платье, с оторванной рукой. Лицо у девочки чистое, только под носом — засохшая бурая корочка. Она не плакала. Смотрела, как взрослые сгружают свою боль в бетонную чашу.

Она посмотрела на Сергея. Голубые глаза. Взгляд серьёзный. Слишком серьёзный для ребёнка.

Сергей отвернулся. Нагнулся к свёртку.

— И раз, — прошептал он.

Перебросил одеяло через бортик. Оно упало на другие тела — глухо, мягко, как мешок с мокрой глиной.

А потом он увидел мальчика. Лет семи. С пакетом. Мальчик замер, увидев Сергея, и начал медленно развязывать пакет. Под ноги ему выпала мёртвая птица — голубь с белой грудкой, с вывернутой шеей и открытым клювом. Мальчик

обернулся, увидел девочку, показал ей язык — длинный, розовый, детский — и побежал к подъезду.

Девочка вздохнула. Отложила куклу на бортик, подошла, подняла птицу двумя руками — осторожно, как что-то хрупкое — и положила в бассейн.

Сергей смотрел на голубя. Птица лежала среди одеял и ковров — маленький, серый остров с белой грудкой в море чужой боли. Девочка выпрямилась, отряхнула руки и встретилась с ним взглядом. В её глазах не было ничего — ни укора, ни жалости, ни страха. Только то, что Сергей не мог понять. То, что не укладывалось в слова. И что-то знакомое. Он не мог понять что.

Она отвернулась. Взяла куклу. Уставилась на старика с ковром, который уже дополз до бассейна и теперь сгружал свою ношу — пыхтя, матерясь себе под нос.

— Дети, — прошептал Сергей.

Старик посмотрел в его сторону.

— Что, дети?

— Дети рядом. Нельзя сквернословить. — Ответил Сергей и осознал, насколько наивны были его слова рядом с бассейном, наполненным трупами.

Он сел на бортик. Обтёр ладонью лицо — ладонь стала влажной. Взглянул на неё. Кровь уже начала темнеть, превращаться в бурую корку.

— Дети, — повторил он чужим голосом.

И тут его пронзило.

Он вскочил. Оглянулся на соседний дом. Глаза сами нашли окно на третьем этаже. Сердце облилось кровью. Окно было выбито. Бесконечная, чёрная пустота зияла там, где раньше были глухие металлические ставни.

Он побежал.

Через двор, мимо женщины, которая сидела на скамейке с пустыми глазами и перебирала буддийские чётки в правой руке. К дому напротив. Дверь в подъезд закрыта. Он дёрнул — не поддалась. Нажал кнопки домофона — 1, 2. Далее — «Вызов». Тишина. Потом нажал цифры наугад. Молчание. Ударил кулаком по железной двери. Звон разнёсся по подъезду, но никто не открыл.

— Чёрт! — упёрся головой в холодный металл.

За дверью послышался шорох. Он отошёл. Через три секунды дверь распахнулась. Показалась голова старушки — сморщенная, с седыми клочьями волос, с бельмом на левом глазу. Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но Сергей уже рванул дверь на себя, чуть не опрокинув её. За дверью, в темноте тамбура, лежало тело, завёрнутое в белую простыню. Старческая рука торчала из-под ткани — синяя, с длинными ногтями, похожими на когти.

Он перепрыгнул через свёрток.

— Извините, — бросил на ходу и кинулся вверх по лестнице.

На третьем этаже, перед дверью 12, остановился. Дышал тяжело. В груди колело. Поправил волосы, расправил одеж-

ду. Постучал три раза.

Тишина. Затем шорох.

— Кто там? — раздался детский голос. Дрожащий. Тонкий, как нитка.

Сергей закрыл глаза. Прижался лбом к холодной филёнке. Вдохнул — запах краски, пыли, и под всем этим — сладковатый запах, который он знал слишком хорошо.

— Это я, — сказал громко. — Дядя Серёжа. Откройте.

За дверью зашуршало. Топот босых ног. Потом шёпот — не громкий:

— Мама сказала никому не открывать.

— Но это дядя Серёжа! Тот, что нам постоянно подарки дарил. Мама, когда выходила, говорила, что ему можно доверять!

— Ладно, открывай.

Зазвенела цепочка.

Сергей открыл глаза. Солнце светило в окно лестничной клетки — яркое, живое, как в первый день творения. Пыль плясала в его лучах, как золотые искры. За спиной, с улицы, доносилось мерное шарканье — люди всё тащили и тащили свои грехи к бассейну.

Дверь открылась.

Он сглотнул. Улыбнулся.

И шагнул через порог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.